

В

ернувшись с работы, Борис не раздеваясь садился за стол, ставил рядом дипломат и долго сидел. Наползали сумерки. Со стороны

картинка могла показаться весьма романтической: взгляд молодого человека устремлен на небольшой прямоугольник, поблескивавший бледным, отраженным светом. Так и казалось, что среди обычных на столе безделушек непременно стоит «ее лицо в простой оправе». Однако все было не столь банально, ибо Борис, не отрываясь, смотрел в маленькое зеркальце от старого бритвенного прибора.

Потом резко вставал, делал шаг к выключателю — и задетый ногой кейс обрушивался на пол. Ей-богу, это происходило каждый раз! Своего рода гонг, отмечающий очередной круг по стадиону.

Год прошел после того, как Борис окончил институт, — год без нее. Его не смущало, что ему вот уже двадцать пять, а он все как вьюнош: не может избавиться от романтической аффектации в размышлениях об этом предмете («Секс — штука суровая, — говорил его друг Раскин, — и терминов требует точных»). Но Борис, не возражая Раскину, про себя держал одну мысль: только люди примитивные обязательно соответствуют своему возрасту, та-

кие — лишь производное от среды, обстоятельство, от физиологии, они рабы чужих ожиданий и направленных на них взглядов. Борис втайне гордился (отчасти, конечно) юношескими чертами своей природы, как в детстве гордятся «взрослостью». И позволял себе несколько преувеличивать глубину своих переживаний.

Тогда, в последний день студенческой жизни, ему думалось: сейчас пойдет новый отсчет времени. Именно так: день без нее, два без нее. А потом оказалось, что главное — это работа, это тяжесть каждого утра, это новые отношения. Не столько новые люди — в коллективе хватало и знакомых, так как здесь работали преимущественно питомцы одной alma mater, — а именно новые отношения, какой-то постоянный дежеж: выгодная-невыгодная работа, командировки, дурацкая возня вокруг кандидатов в пенсионеры... Включенность в это скрадывала тихое отдаление того берега — целого материка, где каждый день виделся с нею.

И то, и другое было вдруг осознано Борисом как нечто постыдное.

Ежевечерне кататься по полу? Спиться на радость психоаналитикам?.. Раздумья эти накатывали на Бориса обычно по дороге через огромный пустырь, прилегавший к автобусной остановке. — «Жениться на какой-нибудь шлюшке? Или наседке с двумя детьми? — Нога с силой напощивала ледышку. — Сплести из обнаженных чувств лирическую поэму?»

И он вроде бы даже уговорил себя не стесняться обычного конца столь оригинального, столь величественно-печального романа.

Смешно обращать внимание на это, но... Кругом одна матриониальная волна сменяла другую. Несколько лет назад пережилась первая партия сверстников-знакомых. А сейчас был новый призыв. Сейчас женились самые правильные. Одновременно зрела первая порция разводов. В чем-то она была не первой, а второй, ибо первые разводы состоялись у пар, так и не успевших с формальностями. Как-то в конце второго курса Борис в разговоре с друзьями предложил: взгляните на нашу факультетско-общежитскую жизнь глазами натуралиста, отстраненно, как бы через микроскоп или видеоискатель оператора-анималиста. Броуновское движение, хаос со своими железными закономерностями: пары то сцепляются, то расцепляются, чтобы тут же дать новое сочетание.

— Как попугаи по весне, — сказал Борис. Тогда на память пришел фрагмент из какой-то научно-популярной телепередачи: в базарном гвалте мельтешение попугаев, с ветки на ветку, торопливое совокупление, и снова затрещали крылья...

— Почему попугаи? — ответил Трунов, — а не дрозды, не собаки, не розовые поросята? Потому что попугаи, приобщаясь к святым тайнам, еще и верещат ритуальные словеса, иногда в рифму — а их этому научили болтуны-люди? Так, что ли?

Борис почувствовал укол — в их компании только он читал вслух стихи, чем, конечно, помогал на общежитских пьянках вносить некую возвышенную ноту в атмосферу, в которой неотвратимо сгущались алкогольно-эротический смог. Считалось, что он нарочно, в общих интересах и не без скрытого шутовства цитирует перлы высокой любовной лирики — настраивая на соответствующий лад участвующий в винопитии прекрасный пол, чтоб не чувствовали себя хмельные простушки эдак примитивно использованными. Но Борис почти не сомневался: друзья догадываются, что ему бескорыстно нравится воспарить с Бодлером или Блоком над бутылками, окурками, искореженными тупым ножом консервами... А это было «не в стиле».

Стиль этот... Как-то само собой случилось, что с первого же дня учебы в вузе их в дальнейшем неразлучный триумвират (Борис, Трунов и Раскин) увлеченно перемывал косточки товарищам, преподам и иным прочим. Вроде бы вульгарнейшее развлечение — но они так не считали. Это было для них почти литературой — тут и изобретательность, богатство, точность языка, и инженерия человеческих душ. «Искусство» было «для искусства» — они не выпускали своих едких аттестаций за пределы компании, не портили ничьих репутаций, не изливали собственное раздражение. Правда, со временем появился у их обычай беспричинно прищипить каждого встречного-поперечного и одно прикладное применение: покрасоваться перед дамами. Те страшно любят занимательное злословие. И общие находки немало послужили каждому из них в охмурении жизнерадостных хохотушек.

Но все же не «литература» и не желание распушить хвост были в основе этой манеры жить. Просто штука эта — проверять все вокруг на «кислотоустойчивость» собственной желчью, — как оказалось, не терпит дозирования и не поддается управлению. Что-то вроде старой химической задачи: почему невозможно создать универсальный растворитель — потому, что негде его будет хранить. Масса удовольствия, сплошное чувство превосходства каждую минуту — и... подспудное желание как-то из этого «стиля» выпасть. Первоначально они высмеивали излишнюю озабоченность студиями или карьерные притязания своих сокурсников, потом — любые попытки говорить серьезно. Чуть позже появилась новая тема, ставшая у них главной и любимой. Обсуждали влюбленности, связи и браки. Сколько перлов сокрыто, например, в женитьбе молоденького второкурсника на тридцатилетней заочнице! Отработанная технология у триумвирата была такова: сначала высказать все мыслимые и немыслимые догадки относительно тайной пружины этого союза, а потом философски заключить: «А может, это любовь?» Однако в воздухе витало: рано или поздно сакраментальную фразу скажут двое из них в адрес третьего. Но тут Раскин был отчислен за академическое неуспевание, уехал домой — а это далеко-далеко — и там, вероятно, тоже стал «певцом и гражданином», во всяком случае, впрягся в работу, ибо получилось, что в то же лето его отец внезапно умер, оставив сыну заботу о нездоровой матери и двух младших сестрах-близняшках. Чуть позже, в конце четвертого курса, как-то скомканно и довольно неожиданно женился самый старший их них — Трунов.

А ведь Борису прежде думалось, что он первый отколется от компании. Он даже слышал интонацию — этакая философская грусть, с которой объявит о своем решении друзьям. Причина тоже была известна заранее — его, Бориса, Большая любовь. И они не должны были удивиться и не могли разыграть изумление: во-первых, знали фактическую сторону дела (и уважали суверенитет Бориса в запутанных его отношениях с Дашей, хотя их так и подмывало иной раз вмешаться с грубоватым советом), а во-вторых — подлинно-лирическая нота оказалась бы неожиданно к лицу Борису.

Стало бы ясно, кстати, что и цинизм похождениям трех друзей в обществе сговорчивых девиц («Характер этих свиданий, — сообща выстраивали друзья длинную фразу, разливая по стаканам очередную бутылку, — таков, что даже слово “интрижка” не подходит к ним как чересчур в данном случае сентиментальное») имел разные оттенки. Как считал Борис, это было бодряческое отправление физиологических функций — у

Трунова и Раскина — и намеренное осмеяние своих собственных иллюзий — у него, Бориса. Он ведь поначалу даже был чисто-верен предмету своего безответного чувства, пока не обнаружил, что Даша воспринимает это не как подвиг, а как должное. А сама тем временем, похоже, спит со своим более простоватым поклонником — Севкой Троицким. И одновременно принимает ухаживания Бориса, который не скрывает своей Большой любви, — но Даша Емельянова как бы выносит ее за скобки и предлагает Борису отредактированный вариант их дальнейших отношений. Борис не делает резких движений, он принимает эту малость, но при случае снова и снова говорит — почти что «ставит вопрос» о своем чувстве. Сказка про белого бычка.

Он напрасно надеялся в решающую минуту бросить к ногам Даши все — оставив друзей, свои мужские победы, серьезные, как утверждали, виды на научную карьеру и т.п. Решающая минута никак не наступала. Даша ускользала и ускользала. Минул один последний срок — она уехала домой; он назначил второй — она пришла на свидание опечаленная... своими учебными делами (смешно, но смеяться нельзя: для нее это важно). Разговора не получилось. Третий срок не успел истечь, как Даша вышла замуж за Троицкого. Это было неожиданно: Борис был уверен, что поезд Севкин давно ушел, вокруг Даши появлялись один за другим новые «друзья», некоторые — весьма колоритные мужики, а тут...

Вот так: на пятом курсе он остался почти один, а когда двери родного вуза закрылись за ними — один не на шутку. У Труновых родилась девочка, очень болезненная, отнимавшая много времени, Раскин не давал о себе знать, Даша уехала в соседний город вместе с Троицким.

А самое печальное: Борис чувствовал, что еще несколько шагов — и он по уши завязнет в жизни серой, обыкновенной. Новой холостой компании у него не складывалось. Да и не о холостой компании надо думать! — решительно заявляли родители. Вообще-то пока они еще не очень отчетливо роптали, но в скором времени вполне могли подступить к Борису вплотную. Еще, прости господи, возьмутся знакомить с кандидатами.

Как общаться с малознакомой девушкой, Борис просто не представлял. Он привык к студенческому обществу: со всеми более-менее на короткой ноге — тут, как говорится, «мы выбираем, нас выбирают». Специально же «знакомиться», для этого таскаясь друг с другом по каким-то развлекательным или того кучерявее — культурным мероприятиям... Борис не чувствовал себя готовым к этой роли. Недавно он прописался в бабушкиной квартире и переехал туда жить (к ней же подступила болезнь, и она теперь жила с родителями Бориса). Это быстрое обретение своего угла тоже говорило: скоро войдешь в колею, из которой не вдруг выскочишь. И однажды, сидя в привычном вечернем оцепенении, Борис вдруг вслух произнес: «Коровина».

Однокашница Бориса и Даши, Коровина была настоящим маклером в области приватной информации. Это было ее призвание. Она знала все обо всех, виртуозно пользовалась телефоном и обладала даром предвидения, точнее — расчета, как в шахматах. Воспользоваться ее банком информации мог любой. Но, подключившись к системе, каждый, как бы он ни замаскировал свой интерес, все равно оказывался разоблаченным и в свою очередь занесенным со всеми потрохами в машинную память Коровиной. Нечего было и думать выведать у нее Дашин адрес, заставив ее между делом проговориться. Но намерение Бориса явиться пред светлы

очи непозабывтой возлюбленной день ото дня укреплялось. Именно появиться — неожиданно, без звонков и сообщений. Он знал, что Севка — вахтовик, пятнадцать дней дома, пятнадцать — на строительстве поселка нефтяников, и этак ему предстоит трудиться еще по меньшей мере год, выплачивая долг за квартиру. Приехать (всего полдня поездом, вечером — там), войти как ни в чем не бывало...

Коровина сказала:

— Ну и нюх у тебя, приятель! Дал бы людям самим разобраться!

Это было не столько моралите, сколько демонстрация совершенно недоступного ему уровня осведомленности и приглашение задавать вопросы. Борис не стал выпрашивать подробности (знал: любой ответ Коровина строит таким образом, чтобы он порождал уйму новых вопросов).

И без того уже сегодня вечером по их институтскому кругу пойдет жутко интересная новость. Ладно, за адрес спасибо, а когда Севка на вахте — Борис сам выведает.

«Это последний шанс остаться самим собой», — твердил Борис, считая дни до поездки.

* * *

— Здравствуй. Проходи, — Даша, казалось, ничуть не была удивлена. Губы ее произвольно складывались в кривую усмешку. — Ты как нельзя кстати.

Борис не успел прочувствовать, в чем же смысл и причина совершенно неожиданной Дашиной интонации, но уже ощущал, как на него наваливается разочарование — будто снова опоздал. Он вошел в квартиру и увидел мужчину чуть постарше себя.

— Знакомьтесь. Виктор, друг моего мужа. А это Борис, однокурсник моего мужа. Ха-ха. Интересное совпадение? Не оставляют в одиночестве жену уехавшего на вахту. Тоже — вахтовый метод.

Виктор молчал, но склонялся, видимо, к тому, что надо рассмеяться. Жизнерадостный смех удобен в большинстве ситуаций.

Борис силился согнать с себя оторопелый вид.

— Ладно, Виктор, иди, — сказала Даша. — С вами двумя я не справлюсь. Мы все уже обсудили — иди. А я буду второго гостя выпроваживать.

Виктор попрощался и ушел, едва не приплясывая в стремлении показаться беззаботным.

— С приездом! — сказала Даша, и, поймав ее взгляд, Борис понял, что через мгновение все (а что, собственно, все? — призрак, выдумка) полетит под откос. Не удастся перемолвиться с Дашей ни одним из тех, прежних, слов. Пережить еще раз теплоту душевного контакта, понимания надеялся он, ведь не ушло же это бесследно!

Надо было что-то сказать, но он молчал: за любое слово могла зацепиться Даша в приступе раздражения. Впрочем, чему быть, того не миновать, и все же лучшая позиция — молчать с полуупрятанной улыбкой. Даша должна высказаться сольно — тогда Борис не получит отповедь, а лишь галантно позволит даме дать своим нервам разрядку. Хотя все его маленькие победы, удачные ходы и в лучшие-то времена ничуть не меняли соотношения сил: верх оставался за Дашей. В любом случае ее последний довод, или чаще — жест, или вроде не к месту рассказанный случай как-то криво, нелогично и к тому же мельком, мимоходом опрокидывал все, о чем Борис только что говорил, говорил горячо, страстно,

сверхубедительно. Пусть в голове сложились возражения, пусть он еще больше воодушевлялся — это было только первой реакцией на Дашины слова, потом он снижал: становилось очевидно — именно последний довод был высказан, он потому и столь силен, что не предполагает продолжения разговора, ставшего вдруг совершенно бессмысленным.

— Я не знаю, с какими намерениями ты приехал. Если дошел слух о нашем якобы разводе, то это дичь. Могу объяснить механику этой сплетни, если надо, — Даша говорила спокойно, хотя было ясно: взвинчена она до предела. Видно, жук хороший этот Витя, приставала со стажем. Получалось, что Борис попал с ним на одну доску, да еще и под вторым (по меньшей мере) номером.

— Что ты прицепился к юбке? Ведь мужик неглупый, видный...

А вот это уже стилизация под кого-то, подумал Борис. И мгновенно представился ему широколицый, ширококостый местный философ с обязательной рыжей бородой «а-ля пейзан». Что же, в отсутствие мужа она тут иногда слушает проповеди некоего интеллектуала?

Но Даша сменила тон.

— А может, у тебя критическая точка? Знаешь, как бывает: пришло время новому, а ты цепляешься за старое, привычное. Боишься утратить невинность неведения. На таком сломе разные казусы случаются.

— Неведения чего? — машинально спросил Борис и вдруг понял, что это первые его слова за порогом Дашиной квартиры.

— Неведения того, в данном случае, что ты прекрасно проживешь и без вериг неразделенного чувства.

Борис подскочил с кресла. Это был его обычный способ протестовать — бегать перед собеседником, произнося горячую речь. Но сейчас он не вымолвил ни слова и только отошел к окну.

Черт! Вот так ненароком — и на любимую мозоль! Разве не то же самое говорил он себе перед поездкой? Но как это звучало — «остаться самим собой»!

В снисходительном презрении, неосознанно проскальзывавшем в словах Даши, Борис слышал знакомые нотки. Они ранили его давно, с самого начала их знакомства. «Вчера» для Даши не существовало, и великим занудой казался ей всякий, кто напоминал вчерашние ее слова и поступки и требовал «подстраиваться» (ее словечко! оцените уместность употребления) под них. В конце концов, Борису ничего не оставалось как занести этот милый Дашин недостаток ей в актив — в качестве черты истинно женской и, следовательно, подтверждавшей стопроцентную женственность возлюбленной.

А теперь она спокойным тоном говорит — как о самоочевиднейшей вещи: ты тоже безболезненно стряхнешь с себя вчерашний день, ты не сделал этого до сих пор не по силе, а по слабости характера, ты и сюда приехал в последней попытке ухватиться за отпластованный кусок жизни. И сразу припомнился: «Ты боишься жизни». Это было сказано давно, и подлинный смысл был такой: боишься новизны. Тогда это показалось Борису чем-то случайно забредшим в их разговор — речь шла совсем о другом, — но потом не раз всплывало в памяти...

Он наконец заговорил.

— Ты все не о том! О каких-то абстракциях. О каких-то законах жизни, которые почему-то тебе известны наперед. А я просто не могу, не могу физически! Мне надо видеть тебя. Хоть изредка. Ни о чем другом я просто думать не мог последние недели.

— У меня, наверное, нет сердца. Я получаюсь холодная и где-то даже расчетливая сучка. И поэтому мне подобные порывы души кажутся просто безответственными.

Уже совсем успокоившись, Даша продолжала:

— Вот что я тебе скажу: я привыкла быть предметом мужских амбиций. Я любви — любви — к себе еще не видела. Севка один был естественен. Ему не слава обладателя была нужна, а я. В самом, знаешь, первоизданном смысле. И он это получил. И замуж за него я вышла. Подожди. Ты выламывался из общего ряда, да. Но только громадной слепой самоуверенностью. Такой, знаешь, напролом, без оглядки на некоторые очевидные вещи. То есть той же амбицией. Один умный человек сказал, что мужик устроен просто. Узнай, чем он кормит свое честолюбие, — и ты вычислишь его в любой точке жизненной траектории...

«Который это умник — тот, борода лопатой? Вот причина рассудительности Дашеньки Троицкой? Черт побери, ведь не может же быть, чтоб этот эпикуреец разливался соловьем бесцельно!» Так думал Борис, а Даша заканчивала свой длинный период:

— И коль мы сегодня расстаемся на этот раз уж навсегда, надо обойтись без глупостей. Давай, Боб, не делай трагедии из того, что твоя великая упертость себя изжила. Сколько раз тебе говорила: радуйся жизни. Для мужиков это так просто, что еще желать, боже мой!.. И вот еще что: у меня заранее скулы сводит от того занудства, которое сейчас начнется. Ты, понятно, прибыл сюда в режиме пробки от шампанского и о ночлеге не позаботился. Сейчас начнешь звонить от меня в гостиницы или выдвигать идеи запереть тебя на всю ночь в чулане.

— Даша, ну зачем ты все это...

— Затем! Затем, что расставаться надо четко! Прости, если это слово кажется тебе неуместным. Ничего не говори. Помолчи, я думаю.

Несколько минут длилось молчание. Даша чему-то улыбалась, точнее — безуспешно стогняла с губ улыбку, имевшую оттенок мечтательности и одновременно чувства превосходства.

Борис узнавал это выражение — оно означало, что у Даши есть какой-то секрет, придающий ситуации значительный процент юмора. Выдать его нельзя, но потешиться воображаемой сценой можно. Полтора года назад она сквозь такую же улыбку сказала: «Кстати... А впрочем, через неделю скажу». И через шесть дней вышла замуж.

— Как быть с поездом, я придумала, — Даша ушла в спальню-клетушку. Возилась какое-то время, а когда снова появилась перед Борисом, на ней были джинсовый костюм и туфли, в руках — сумочка.

— Все гениально просто: иду ночевать к подруге. Точнее, у нас сабантуйчик. Побудешь до поезда, когда будешь уходить — захлопни дверь.

— Даша, брось, что ты придумала. Я уйду.

— Уйдешь — дверь не забудь захлопнуть. А я побежала. До свидания, и желаю тебе удачи, искренне, во всем.

Стук-стук-стук, хлоп и щелк.

Побежать за ней? Ох, она терпеть не может, когда за локти хватают, особенно на улице.

Борис быстро обошел квартиру: похожа на его, тоже студия. Относительно большая кухня-столовая-прихожая и крохотная спальня за раздвижной дверью. Только вот у него окна над подъездом, а здесь на другую сторону. Значит, Дашу он больше не увидит.

Ни с того ни с сего припомнилось вдруг, как Трунов с уважением сказал ему однажды: «Ты, брат, прозорлив, как баба!» Это была похвала в традиционной для Трунова манере — ложка меда не без бочки дегтя.

— Подруга, она же — сабантуйчик, она же — веселый секрет, — говорил Борис, стоя на кухне. — А нет ли у этой так называемой подруги бороды?

А ведь есть! Если не бреется. Ты, дорогуша, помог даме решиться. Севка не далее как сегодня будет отпенелоплен по полной программе. Точно: товарищ Витя ее страшно разозлил. А чем — а тем, что подумал про нее, будто она способна на... на то, на что она действительно способна! Но, Витя, наш номер шашнадцатый. У нас нет бороды и пропасти грубовато-интеллектуального обаяния. У нас есть светлое будущее, которого нам искренне желают...

